

Если бы в нас было достаточно любви к тем,
кого мы любим, мы помешали бы им умереть.

А. Камю

Дюжина прологов

1

В этот раз я не стал играть в «домашние тайны» — прежде чем послать рукопись в издательство, распечатал её на принтере и показал своим родным. Затея, правда, была рискованной, но не хотелось никого обижать. Вы знаете, как они дулись на меня за то, что я прошлым летом первую книгу «На качелях между холмами» «мыльнул» прямиком в издательство. С неделю оправдывался. Хотя я и не думал, что кто-то возьмётся опубликовать сочинение двенадцатилетнего школьника. Так, отправил на всякий случай. Но случилось то, что случилось: книгу издали, причём без сокращений и исправлений. Мои домашние просто офигели. Наверное, все родители немного похожи друг на друга. Помните, как герой Сэлинджера Холден Колфилд говорил о своих предках? «Вообще-то они люди славные, я ничего не говорю, но обидчивые до чёртиков». Точнее не скажешь. И я рискнул.

Бабушка (тут я дал маху: Лилии Степановне, конечно, без подготовки не стоило давать читать текст), дойдя до середины книги, обозвала меня чокнутым ребёнком и почему-то извращенцем. Затем наполнила весь дом отвратительным запахом валокордина и заявила, что теперь уж точно она отказывается принимать участие в моём воспитании: дескать, пусть теперь мама с папой меня и исправляют. «Свежо предание, да верится с трудом». Таких отказов было много, и этот оказался не последним. Бабуля моя ужасно гордится, что в совершенстве владеет английским языком, и частенько бросает в мой адрес всякие иноземные пословицы и поговорки, думая, что я всё равно не пойму. Но Лилия Степановна до последнего момента и не подозревала, что в моей голове уже накопилось достаточно английских слов, чтобы не только понять её выпады, но и достойно на них ответить. Вечером, вынырнув из своей комнаты, она прошла мимо меня и громко произнесла в сторону:

— *Whom the gods would destroy, they first make mad**.

Хм, королева Англии нашлась. По-английски она со мной разговаривает. Миленькая моя бабулечка, мы тоже не лыком шиты. Я, не отрываясь от экрана телевизора, так же достаточно громко говорю:

— *God helps those who help themselves!***

---

*Кого боги хотят погубить, тех они сначала лишают рассудка.

**Бог помогает тем, кто помогает себе сам.

Ну, это типа нашей поговорки: «На Бога надейся, а сам не плошай!». Бабушка чуть не поперхнулась. Вы бы видели её глаза! Она уставилась на меня и за две-три минуты бровями таких узоров на лице навыводила, что с помощью её мимики можно было бы проиллюстрировать всю поэму Гоголя «Мёртвые души»: здесь вам и Чичиков, и Коробочка, и даже Ноздрёв.

И знаете, что я вдруг заметил? Удивительно, но на фоне её величайшего изумления мелькнула искорка восторга — Лилия Степановна поняла: время безответных подковырок прошло. На этом «урок английского» был завершён. Бабушка села рядом со мной на диван и молча уставилась в телевизор. Спустя некоторое время она наклонилась ко мне, поцеловала в висок и, тихонько всхлипнув, прошептала: «Не обижайся на меня, внучек, я ведь переживаю за тебя. Прости меня, старую дуру...». Мы обнялись с бабулей и долго-долго сидели молча, оба время от времени смахивая слёзы. Вы не подумайте, что я такой уж плакса. Просто не могу сдержаться, когда рядом плачет женщина, тем более если это моя бабушка, занудливая до чёртиков, но ласковая, нежная и любимая.

С дедом проще, с ним мокрых дел почти не бывает. Правда, после рюмочки-другой иногда тоже мокрит, но это случается очень редко и совершенно по другому поводу. Прочитав рукопись, Михаил Александрович (мы с ним полнейшие тёзки) покряхтел, покашлял, погладил меня по голове, задумался и закурил. Сделал две-три затяжки, жестоко о дно пепельницы свернул красную голову окурку и, ещё немного помолчав, тихо сказал:

— Будь осторожнее, внук, видишь, жизнь теперь — собака, сложная штука. Затем, качая головой, удалился в свою комнату.

Мама прочитала, нахмурилась, повздыхала и произнесла буквально следующее:

— Я бы повременила с публикацией, и вообще, дорогой Миша, рановато мы тебе интернет разрешили.

Слава богу! Если честно, от мамы я ожидал худшего. Кажется, обошлось.

Отец поцокал языком, опустил уголки губ книзу, смешно сощурил один глаз и, отвернувшись от мамы, подмигнул мне:

— Мама права: для твоего возраста, Михя, немного жестковато, хотя... тебе решать, сын. Тут есть другая опасность, — подумав, добавил он, — полежит твоя писанина в столе, можешь ненароком её и уничтожить — такое иногда случается.

— Папа, — возразил я, — но ведь говорят же: «Рукописи не горят»!

— Твои персонажи в книге много чего говорят, — усмехнулся отец, — а поступают иначе. Говорить и поступать, сын, — это совершенно разные вещи. А если бы рукописи не горели, у нас, может, и история была бы другой, и жили бы мы по-другому. Так что повторяю: решай сам.

— Хорошо, пап, — кивнул я, — подумаю...

— Подумай, подумай, — съязвил отец. — А то вырастешь и скажешь потом, что родители тебя в детстве цензурой обложили. Читали мы твой эпитаф к «Качелям...».

Сдался им этот эпитафия. Сколько мне из-за него пришлось выслушать всяких высказываний. Одни говорят: повзрослеешь — поймёшь, что спорол глупость. Другие — мол, дети все такие, неблагодарные. Третьи... даже не хочу вспоминать. Главное, что за народ? Ведь слова о том, что детство — это не самое лучшее и приятное время жизни, принадлежат не мне, а Канту. Я всего лишь посчитал, что он недалёк от истины, мне кажется, он прав. Так нет же, филозофа никто не попрекает, а все шишки достались мне. С учёными нужно быть аккуратнее. Недавно один доктор филологических наук, прочитав в моей книге о том, что меня лично тошнит от инопланетян и вампиров, вдруг заявил: «Сомнительно, что тринадцатилетний подросток уже владеет такими оборотами». Нет, ну вы поняли? А какими оборотами я должен владеть? То есть, если я задумал написать книгу, я должен писать, используя те слова и обороты, которые мы произносим на перемене в школе и на улице? Хороша будет книжечка. Меня с ней не то что на порог издательства, а на пушечный выстрел к нему не подпустят. Учёному не понравилось и то, что я употребил в сочинении такие слова и словосочетания, как «ежели», «огрехи», «трапеца», «всплакнул», «на полном серьёзе», «выразил соболезнование» и даже «беда с этими взрослыми».

Извините, но мне только остаётся повторить: беда с этими взрослыми. Скажите: а для чего тогда нас учат в школе? Зачем нам уроки литературы и русского языка? Для проформы, что ли? Доктора филологических наук смутили мои синтаксические конструкции.

Они показались ему слишком «взрослыми». Кроме того, учёный утверждает, что современным школьникам вряд ли знаком словарь Ушакова. Нет, ну это уже слишком. Это ни в какие ворота не лезет. У меня встречное сомнение: а знакома ли современным учёным-филологам поисковая система «Яндекс» с её словарями и другими примочками? Странные люди...

Ладно, бог с ними, с учёными. На чём мы остановились? А, вот: «решай сам». Хорошо, решать — так решать. Я и решил: отправляю в издательство. Не думаю, что своим рассказом оскорблю ваши чувства и потревожу чью-то нравственность. Я ничего в этой истории не придумал. Если и можно меня уличить в чём-то аморальном, то...

Впрочем, оставим всю эту муть. Заранее отвергаю упреки и обвинения в свой адрес. Я не стремился к тем знакомствам, которые случились, и не искал себе нарочно друзей среди тех людей, с которыми мне довелось встречаться. Я даже время проводил вместе с ними вынужденно. Не разделяю многих их взглядов, не восхищаюсь их высказываниями и не обеляю их поступки. Иными словами, если и можно что-либо поставить мне в вину, так только то, что я всё это увидел, услышал, запомнил, записал и донёс до вас. А вы, уважаемые товарищи взрослые, будьте так любезны, позаботьтесь о том, чтобы ни я, ни мои сверстники больше такого не слышали и не видели. Хотя вряд ли у вас это получится. Ну а раз так, давайте будем терпимы и друг к другу, и к тому, что, о чём и о ком пишем.

Кстати, недавно один знаменитый режиссёр Александр Митта, давая интервью какой-то газете

по поводу нашумевшего сериала «Школа», сказал: «Пример чернухи — «Ромео и Джульетта». Дети не уважают своих родителей, девушка развратничает, и вдобавок столько убийств. А на самом деле история любви двух прекрасных детей. В любом настоящем произведении можно высветить чернуху». Так-то...

2

Иногда мне кажется, взрослые могут научить детей чему угодно, только не умению любить.

Говорят, от любви до ненависти один шаг. Это правда? Значит, обратное расстояние то же самое? Ну да. Что я спрашиваю? Вспомним математику: там вечно эти безликие придурки (велосипедисты, мотоциклисты, лыжники и пр.) едут из пункта А в пункт Б и наоборот. Подвох всех задачек как раз и заключается в том, что расстояние АБ равно расстоянию БА.

О! Ничего себе, до чего я додумался: моя бабушка замирает, когда слышит по телевизору свою любимую группу «АББА». Если бы вы видели это зрелище! Лилия Степановна мгновенно затихает, впивается взглядом в «плазму», широко раскрывает рот и делает шумный глубокий вдох. После чего на втором-третьем такте, выпуская возглас «О-о-о!», заламывает кисти рук, затем резко подымает руки вверх и, смешно ими махая, словно на неё миллион мух или пчёл напал, вертит по сторонам головой и кричит: «Все замолчали!». Потом, будто испугавшись собственной дерзости, тихонько добавляет: «Умоляю, дайте послушать».

«АББА». Если необычное название переложить на язык моей «любимой» математики, что выходит? Как романтично и красиво: любовь и ненависть, ненависть и любовь!

Как вы уже догадались, именно эти строки я пишу уже после того, как мои родственники рукопись прочитали. Нужно будет бабушке доложить свою теорию по поводу её любимой группы. Порадуется, наверное. Я так частенько делаю: придумаю какой-либо прикол и иду к бабуле. Она выслушает и сразу вопрос:

— Ты где это нашёл?

— В «сетке», — говорю.

Наивная старушка. Она почему-то думает, что интернет — это такая всемирная виртуальная библиотека. Не знаю, кто её в этом убедил, но она говорит:

— Мишенька, внучек, я понимаю, что у вас сейчас свобода слова, что за вами всё равно не уследишь, но, пожалуйста, ты не бери в своём «тырнете» плохие книги. Они до добра не доведут. Начитаешься всякой гадости, испортишь мозги, потом уже не выправишь. Хорошо, миленький?

— Хорошо, ба, — киваю я. — Только ты скажи мне: а как они называются, плохие книги?

Бабуля посмотрит на меня пристально, покачает головой и скажет:

— Эх, Мишка, Мишка, у плохих книг названий нет. Каждый человек сам для себя определяет название.

Вот и пойми мою бабулю. Книжек плохих не читай, а названий не говорит. А зачем кочевряжиться, понял я всё: дескать, думай сам, что такое хорошо, что такое плохо. Только вот не получается никак без

«плохих» книжек. Одними хорошими сыт не будешь. Да и привкус на душе остаётся: приторно как-то. Иногда хочется почитать и солёенького, и горького, и острого...

Что-то я перешёл на кулинарный язык. Но вы поняли, что я хотел сказать. Двигаемся дальше.

Слушайте, я вот что думаю: а это допустимо — в начале книги забабахать целую дюжину прологов? Впрочем, это моя книга. Сколько хочу, столько и пишу. Правильно? Я подумал: вот подрасту немного, поумнею, ещё книжек разных почитаю и напишу прикольный роман. Придумаю название и начну писать. Вначале напишу пролог. И буду писать, писать, писать... С полмиллиона знаков напишу и скажу: пардон, это был пролог, роман читайте в следующей книге. Читатель, наверное, офигеет. Но и это полбеды. Следующий роман будет эпилогом. Понимаете, в чём прикол-то? Издам «Пролог» и «Эпилог», а года через два-три — сам роман. О, это будет настоящий роман! Всем романам роман! Вы не подумайте, что у меня крыша подтекает. Я, между прочим, уже этот роман придумал. Дайте школу окончить. Как я хочу написать свою «Трилогию мечтаний»!

3

Кольцевые дороги — это, наверное, удобно.

Хотя дороги бывают разными. Я имею в виду не качество покрытия или их ширину, длину. Нет-нет, речь о другом. Небезызвестный Нестор (недавно проходили в школе) когда-то ходил по дорогам. И, вероятно,

у него, как и у каждого из нас, была своя любимая дорога и пути, по которым ему не хотелось путешествовать. Возьмём, к примеру, меня. Я могу идти в школу как минимум по трём разным дорогам. Но почему-то хожу чаще всего по одной. И не сказать, что она самая короткая или удобная. Однажды я задумался, почему так. Решил: чтобы ответить на этот вопрос, буду в течение месяца каждый день ходить в школу разными дорогами. День хожу, два, три, неделю, месяц. Вы не поверите: я нашёл ответ, почему у меня есть любимая дорога. Но не торопите меня, я расскажу вам об этом чуть позже. Не забывайте, это ведь ещё не сама книга, а всего лишь прологи.

Пока подумайте, какая дорога привлекает вас. Вы куда-то часто ходите или ездите (разницы нет). Если думаете, что нам, школьникам, больше делать нечего, как думать о маршрутах, то, уверяю, вы заблуждаетесь. Я долго наблюдал за движениями папы и мамы и пришёл к поразительному выводу: из пункта А в пункт Б они ездят разными дорогами, причём, как я установил с помощью их же навигатора, не самыми короткими. Нет, это очень важно. Очень. Я даже думаю, что людей больше портит не квартирный вопрос, а именно дорожный. Точно говорю: всё зависит от пути.

И Александр Невский, и Дмитрий Донской вели на бой своих воинов по каким-то определённым, заранее спланированным маршрутам. Ну в самом деле, не могли же они идти к месту битвы как попало. Один — через поле, другой — через реку, третий — и вовсе

в обход, как говорит мой дед, через сорок седьмой километр. Что это за войско было бы? Толпа какая-то.

Опричники Ивана Грозного выбирали, видимо, самые короткие пути. Им нужно было успеть прибыть в пункт назначения, чтобы какой-либо Князь Серебряный не перехватил инициативу.

А недавно я проделал путь вместе с Александром Николаевичем Радищевым. Язык его повествования, конечно, очень тяжёл для современного школьника, приходилось возвращаться по несколько раз в одно и то же место. Но всё равно очень интересно. Не пойму только одно: почему автора, казалось бы, безобидной книги хотели лишить головы? Вот когда люди боялись слова. Хотя, что лукавить, некоторых слов и сейчас люди боятся. Того и гляди, если не голову снесут, то грязью так обольют, мало не покажется.

Потом были дороги Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Мне повезло: у нас «классная» — учительница русского языка и литературы — Оксана Петровна Гранина. Если бы видели и слышали, как она ведёт урок! Это не урок, а репетиция спектакля. Вообразим, что звонок на урок литературы — театральный звонок. Дверь в класс — занавес. Занавес подымается, входит «режиссёр», вспыхивают огни рамп, актёры замерли в ожидании... Репетиц... урок начинается, и мы всем классом путешествуем во времени... У нашей учительницы и безграмотный человек схватится за книжку. Только благодаря ей я прочитываю на каждых каникулах по целому мешку книг. На День учителя я подарил Оксане Петровне стихотворение:

Переступаю каждый день через порог,
В руках хранилище учебников.
На циферблате у меня не час — урок
Разбит на мудрые решебники.

Толстой и Нестор, Достоевский, Пифагор
Здесь уживаются в одной семье.
Не возникает между ними бранный спор,
Кто глубже след оставил на земле.
Спасибо Вам, учитель-проводник, за то,
Что каждый день ведёте по тропе
Наивное, полуслепое существо
К вершинам его будущих побед!

Не знаю, как с точки зрения правильности сло-
жения стихов, но с точки зрения искренности, можете
мне поверить, написал от чистого сердца.

Немного о моих родных. Они тоже выводят меня,
но на другие дороги. Папа познакомил с путями Сол-
женицына и Шаламова, мама — Ахматовой и Цвета-
евой, бабушка — Лорки и Бродского. А дед показал
мне дороги Галича и Высоцкого.

Глядя на книжные полки домашней библиотеки,
я знаю, что мне ещё предстоит прошагать по пыльным
дорогам Бунина, Шолохова, Пастернака, Дудинцева
и многих-многих других писателей. У русского чи-
тателя дорог очень много. Сколько ни ходи, всех, на-
верное, не пройдёшь. Моя сестра Лилька и та обна-
ружила свои тропинки у Минаева, Дарьи Донцовой,
Вишневского.

Мне кажется, невыдуманных сюжетов не бывает, даже в научной фантастике.

После того как была издана первая книга, мне стали задавать вопросы: как я стал писателем, когда ко мне приходит муза, где я беру сюжеты. Ну, во-первых, давайте начнём с того, какой, к чёрту, из меня писатель? Писатель, как мне кажется, тот, кто выпустил как минимум с десятков книг и ему уже лет хотя бы двадцать-тридцать. Во-вторых, честно признаюсь: ни с какой музой я ещё не встречался. Клянусь, в глаза её не видел. Я думаю, муза не глупая тётка: зачем ей переться к тринадцатилетнему пацану, если вокруг полно взрослых настоящих писателей? Правильно? Вот и я о том же.

Теперь о сюжетах. Никаких секретов или хитрости. Я вас разочарую, но, честное слово, мои книги — это результат подслушивания и подсматривания. Нет-нет, не подумайте, что я делаю это втихаря и исподтишка. Просто слушаю, что говорят вокруг, смотрю, кто что делает, запоминаю, а потом вбиваю в ноутбук. Если что-то неясно, ныряю в интернет.

В книги идёт часть информации, остальное остаётся в архиве (может, когда-то пригодится). Если бы я написал всё, что у меня накопилось в ноутбуке, моя теперешняя книга получилась бы точно в миллион страниц. Кто бы её читал? Хотя интересного много. Но, как говорит Лилия Степановна, каждому овощу свой срок.

У учёнья, известно, есть мать — повторенья. А кто отец?

Обращаюсь к сверстникам: друзья, ни в коем случае не повторяйте то, что я совершил на прошедших новогодних каникулах. Это очень опасно! Если бы мне сейчас предложили снова проделать автостопом путь из Москвы в Ростов-на-Дону, то вряд ли бы я рискнул и согласился повторить...

Стоп!

Нет, так нельзя. Некрасиво получается. Не верьте! Конечно же, я вру. И что я слюни распустил? Повторил бы! Причём повторил бы не задумываясь. Но тут другое дело. Я почему поехал в этот... Ростов? Не ради каких-то дурацких приключений. Девчонка моя, Маша, живёт там. Соскучился я по ней жутко, вот и рванул. Понимаете?

Вы никогда об этой истории и не узнали бы, но она оказалась настолько сумасшедшей, что не расскажи её вам — я бы чувствовал себя мошенником. Серьёзно говорю: такие истории скрывать нельзя. Плюс ко всему я и сам много нового узнал, а заодно и с вами поделюсь. Если интересно, продолжу. Тем более, забегая вперёд, скажу: аккурат перед Новым годом я уже было и с жизнью распрощался, но нашлись добрые люди, не дали погибнуть.

И, опять же, если бы взрослые не были такими недогадливыми и толстокожими, всё было бы иначе. Я ещё на осенних каникулах просил родителей смотаться в Ростов-на-Дону. На денёк. Ну хоть на один

денёчек, часочек! Взглянуть на свою девочку, прикоснуться к ней, вдохнуть аромат её волос, услышать шёпот её губ, ослепнуть на миг от её глаз... И можно ехать домой. Так меня никто не понял. Сказать, что влюбился, я постеснялся. А они не догадались, хотя как я только не намекал. Словом, измучился я и решил: будь что будет, но Машку на этих каникулах увижу. В общем, давайте по порядку.

6

Эх, яблоко, яблоко. Сейчас я вам расскажу о нём.

В наше время Ева не стала бы заморачиваться яблоком, она просто отправила бы Адаму эсэмэску.

С Марией мы познакомились прошедшим летом. Нам обоим исполнилось по тринадцать. Правда, у Машки день рождения на пять месяцев раньше, в марте, а у меня — в августе. Я сначала думал, что она будет нос задирать. Но обошлось. Мария на эту мелочь не обратила внимания и ни разу меня возрастом не попрекнула. Классная она девчонка. А родинка у неё на подбородке — настоящая бомба. Я когда вижу эту родинку, у меня голова начинает кружиться. А глаза! Видели бы вы её глаза. Вы не только в Ростов рванули бы, пешком на Чукотку отправились бы. Не помню, рассказывал или нет, но на всякий случай повторю. Дело в том, что глаза у Машки днём синие, а к вечеру становятся зелёными. Когда я рассказал об этом другу, Юрке Лофичевскому, тот сначала задумался, а потом вдруг предположил: может, она ведьма какая? Сказал бы кто другой, точно в лоб получил бы.

Но Юрка, я же понимаю, пошутил. Никакая она не ведьма. Она как ангел, как голубка. И фамилия у неё соответствующая — Сизокрылая. Я однажды после её отъезда лежал ночью и думал: нас судьба неслучайно свела. Ну вот вы сами подумайте: моя фамилия Миров, от слова «мир». Правильно? А у неё — Сизокрылая. Сто процентов от слова «голубь», вернее, «голубка». Нет, нам никак нельзя расставаться. Это судьба, которая выдала нам с Машкой ещё один намёк.

Все вы отправляете эсмэски. Одни — чаще, другие — реже, но отправляете. Правильно? Каждый, наверное, сталкивался с так называемыми трудными словами. Когда приходится набирать слово (если, конечно, не пользоваться встроенным словарём), состоящее из последних букв кнопки. Вот, например: возьмите телефон и наберите слово «яблоко». Ну и как? Вы поняли? Чтобы набрать это простое слово, нужно четыре раза нажать на кнопку с цифрой 9, затем два раза на 2, четыре раза на 4, три раза на 5, три раза на 4 и снова три раза на 5. Сдохнуть можно! Пока наберёшь, изжога начнётся и забудешь, кому и что хотел написать. А теперь читайте внимательно. Возьмите в руки телефон и наберите сначала «Миша», а затем «Маша». Есть разница между нашими с Машкой именами и занудным яблоком? Что у меня в имени, что у неё — все первые буквы. То есть имена, из четырёх букв каждое, набираются однократным нажатием на четыре кнопки. Вы понимаете? Четыре кнопки, четыре буквы, четыре нажатия! И у неё, и у меня. Это ли не провидение? Миша + Маша = любовь!

А вообще, скажу я вам, эсэмэски — опасная штука. Точно говорю. Бывает, что некоторым людям из-за этих сообщений даже требуется операция на руках. С ума сойти. Тут, видимо, мера нужна. Я недавно прочитал в интернете:

«Шестнадцатилетняя американка Энни Левитц привыкла отсылать около ста (!) эсэмэсок в течение суток, а теперь едва может пошевелить обоими запястьями. Подвижность пальцев она практически потеряла, а от диких болей в руках Энни спасают только каждодневные уколы сильного анестетика. Диагноз девочке поставили сразу: синдром карпального канала (или запястный синдром), поражающий в основном спортсменов и людей, подолгу работающих за компьютером. Постоянная нагрузка на запястья приводит к ущемлению нервных окончаний в руках, из-за чего и появляются боли и скованность движений...».

7

Жениться на... Выйти замуж за... Любопытно. Почему о супружеских парах всегда говорят «они поженились», но никогда не скажут, что они «позамужились»? Вы никогда над этим не задумывались? Или вам просто неинтересно? Ну и ладно. А мне вечно дурацкие мысли в голову лезут. Меня очень интересует тема словообразования. Откуда пошли наши слова и разные прикольные словечки. Вот вы знаете, к примеру, откуда взялось слово «невеста»? Оказывается, раньше такого слова на Руси не было. Были «баба», «жёно», «дева» и т. п. А потом девушку

на выданье стали называть неизвестной, постепенно «неизвестная» превратилась в «невесту». Да, наша дева никому неизвестна. То есть ещё ни с кем не дружила и в кино с мальчиком не ходила, одним словом, «невеста». А как появилось слово «жених» — не для нашей книги. Я расскажу лет так через пять. Хотя к тому времени, может, появятся новые версии. Действительно, насколько «велик и могуч русский язык»! Дух захватывает. Сколько у нас красивых, самобытных, сочных, звучных, ярких и просто упоительных слов. Я иногда напишу две-три строки и начинаю экспериментировать — рассказываю то же, но другими словами. Вы не представляете, какое это удовольствие. Попробуйте, честное слово. Я приучаю себя вот к чему: перестал говорить «специально», лучше скажу «нарочно», реже произношу слово «оригинальный», стараюсь употреблять — «самобытный» и так далее. А чтобы лучше знать русский язык, я обратился к Гоголю и Чехову. Да, таких учителей не забудешь.

Машка мне как-то прислала эсэмэску: «Миша, у нас в гостях мамыны друзья. Представляешь, они дружили со школы, потом поступили в один институт, поженились и пятнадцать лет живут вместе». Ну вот вы что бы ответили? Думаю, то же самое, что и я: «Значит, после школы нам тоже нужно будет поступать в один институт». Странные эти девчонки. Вместо того чтобы сразу написать «хорошо», Машка мне пишет: «Может быть, может быть». Ну я и отвечаю: «Всё в твоих руках». Вот Богом клянусь вам, подумал, что сейчас спросит: «Почему?». И точно!

Через полминуты предполагаемый вопрос. Пояснил: «Потому что я-то согласен, теперь слово за тобой». Вы не представляете, как я был счастлив, когда на дисплее моего телефона расцвела надпись: «Я тоже согласна». Ух, ты моя рыбка! В моём телефоне Маша сохранена под ником «Любимая». Не хочется забежать вперёд, но скажу вам: эти ники ой как могут подставить. И подставили...

Вот и скажите мне: мог ли я не поехать к своей сизокрылой голубке, будь на моём пути миллион опасностей? Конечно, если бы кто-то из взрослых понял моё состояние да плюнул на свои дела, мы бы спокойно сели в поезд, автобус или самолёт и мотнулись в столицу Тихого Дона. Всё чин чинном. Повидались, обнялись, поцеловались бы — и по домам.

Но, с другой стороны, не было бы этой истории. Странно в жизни получается. Если всё по правилам — скучно и пресно. Ежели без правил — опасно, но интересно. Тут главное — соблюсти равновесие. Лилия Степановна в таких случаях говорит: «Блюда веру, но знай меру». Я ещё не до конца понял смысл поговорки, однако чувствую, что это как раз где-то рядом. Ну, типа на Бога надейся, а сам не плошай.

8

Можно ли считать писателем того, кто не умел писать, но придумывал сказки?

Я слышал, что читателя нужно сразу поймать на крючок, чтобы он не отложил книгу в сторону. Фигня какая-то. Я лично не буду этим заниматься. Вот не

